

УДК 130.2

Н.А.Шорохова

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

The article is devoted to the value of the dialogic thought in the evolution process of modern type of economic culture. Rationality of scientifically oriented economic thought should consist of the ability to an unprejudiced approach, free discussion and conscientious thinking over the possible consequences of value purposes.

Наиболее общим является определение экономической науки с точки зрения средств и конкурирующих целей. Основной задачей экономической теории является исследование и решение проблемы эффективного использования ограниченных ресурсов с целью достижения максимального удовлетворения потребностей человека и общества. Экономическая теория доказала, что для достижения оптимального результата необходимо взвесить предельные издержки и выгоды всех возможных действий и выбрать такое их подмножество, для которого предельные издержки будут равны предельной полезности. Экономический анализ использует принцип максимизации и обнаруживает закономерности, подобные тем, которым подчиняются элементы естественных систем. Например, если считать неизменными уровень дохода и систему предпочтений индивидов, то при прочих равных условиях спрос на определенный товар можно описать с помощью математической функции цены на этот товар. Экономический анализ использует аппарат дифференциального исчисления для изучения проблемы нахождения объема производства, обеспечивающего максимум прибыли. В экономике, считает П.Самуэльсон, предмет исследования выступает в количественной форме, ведь на ранней стадии своего развития арифметика была именно счетоводством, точно так же, как геометрия сводилась к землемерным работам. «Счетоводство не использует арифметику, оно само есть арифметика» [1].

Современная экономическая наука располагает хорошо развитым аппаратом для анализа различных экономических явлений как на макро-, так и на микроуровне. Однако прогнозные качества экономического анализа все равно ни сравнимы с возможностями естественных наук. Переменные, значения которых представляют данные статистики или учета, имеют для исследуемого объекта или явления нередко достаточно условный характер. Они

могут лишь опосредованно отражать внутреннюю структуру, движущие силы или факторы развития. Аналитик ограничен набором показателей, традиционно используемых в учете и статистике.

В XX в. появился ряд теорий, не противопоставляющих субъект и объект познания (квантовая механика, теория биосферы). Картина мира, в основе которой была ньютоновская механика, оказалась слишком упрощенной. В новых картинах мира — неклассических, постнеклассических — взаимодействие субъекта и объекта является важнейшим фактором. Наблюдатель превращается как бы в «соучастника» событий. Современная наука говорит о мире, в который включен человек, как о некоторой целостности, содержащей континуум потенциально возможных событий. В современной картине мир предстает как становящийся, изменяющийся, динамичный. Исходной действительностью, с которой имеет дело неклассическая рациональность, выступает ситуация, в которой наряду с объективной составляющей присутствует и субъектная составляющая. Неклассическую рациональность следует понимать не в духе негативизма по сравнению с классикой или умаления возможностей познания, а прежде всего как выявление тех неявных субъектных предпосылок и установок, которые обуславливают эти возможности.

Некоторые течения философии XX в., и прежде всего экзистенциализм, оспорили принцип общезначимости научной истины как особого типа знания. Истина, по М.Хайдеггеру, не может быть получена вне человека и независимо от него, она может быть только экзистенциальной. Человеческое повседневное бытие-в-мире он описывает как «озабоченно-деятельное бытие при сподручно находящемся в распоряжении» [2]. Первичное, экзистенциально изначальное познание не только лишь внимающее познание, но и орудующее, потребляющее озабочение. Употребляюще-орудующее обращение, по Хайдеггеру, имеет свой собственный способ смотреть. Ближайший вид обращения — это понимание того, для чего нужна вещь, что делают с предметами, для чего они служат. «Подручность есть онтологически-категориальное определение сущего как оно есть «по себе» [3]. Таким образом, у Хайдеггера изначальным оказывается положение человека среди цивилизованного и одомашненного мира, являющегося привычным объектом использования. В мире, как в личном хозяйстве, с каждым действием связано понимание всей ситуации в целом и входящих в нее предметов, т.е. понимание того, для чего они служат. Все постижения такого рода совершенно достоверны и неопровержимы. Они являются частью человеческого существования. Однако данная достоверность является не познавательной, а экзистенциальной. С точки зрения Хайдеггера условием теоретической установки чистого восприятия является отмена изначального понимания. Чисто «теоретически» всматривающийся взгляд есть только всматривание без усмотрения и пробивается к высвобождению через озаботившееся подручное.

Рассуждения Хайдеггера наводят на мысль, что достоверность, необходимая для человеческого существования, никак не связана с миром науки и технологии. Если основание бытия дается нам как *ratio*, как отчет, то человек есть *animal rationale*, считающее живое существо. Все это, пишет Хайдеггер, остается действительным при самых различных изменениях и проходит сквозь всю историю западноевропейского мышления. Это мышление в качестве мышления европейского Нового времени привело мир в сегодняшнюю мировую эпоху, в атомный век. «Не остается ли сущность человека, не остается ли его принадлежность бытию, не остается ли сущность бытия, все более нас озадачивая, все еще чем-то достойным мышления? Смест ли мы, если уж дело должно обстоять таким образом, оставить на произвол судьбы это достойное мышления в угоду неистовству исключительно считающего мышления и его гигантских успехов? Или мы обязаны найти путь, на котором мышление способно было бы соответствовать этому достойному мышления, вместо того, чтобы, околдованные считающим мышлением, мы прошли в мысли мимо чего-то достойного мышления?» [4].

В центре всех размышлений Хайдеггера лежит восстановление связи с истинным бытием. Если понимание и истолкование составляют экзистенциальную устроенность бытия, то когда мы говорим, что поняли смысл, это значит, что понято сущее или бытие. Смысл, по

Хайдеггеру, есть экзистенциал здесьбытия, а не свойство, которое прилепилось к сущему. Сущность как суть дела означает — быть осуществленным. Подручное всегда понимается из целостности ситуации. Только теоретическое сознание выделяет главное, необходимое, всеобщее. Обыденное мышление стремится не столько отразить сам по себе объект (как в естествознании) или состояние субъекта (как в гуманитарных дисциплинах), сколько спроецировать ход взаимодействия субъекта и объекта ради их согласования.

Повседневный язык общения в бизнесе не имеет четких логических связей и определений. Очень часто точность и практический смысл неадекватны. Точные определения требуют больших затрат времени. Следовательно, чем точнее мы определяем, тем больше мы теряем. В хозяйственной деятельности применяются так называемые «лингвистические переменные», т.е. используются слова «очень», «более», «высокий доход», «маленький», «дешевле», «дороже» и т. д. Сложные отношения могут описываться нечеткими алгоритмами, представляющими собой аналогию эвристическим правилам. Например: если А велико, то немного уменьшить В. Это означает, что и интуиция, а не только точный расчет дают высокий результат в бизнесе. Чем более напряженной является практическая деятельность, тем меньше времени остается на рефлекссию, на осознание того, на каком основании строится стратегия действий. Пока эти действия приводят к успеху, пока процент неудач остается сносным, человек практический предпочитает вообще не размышлять об основаниях своих действий. Потребность в таком размышлении возникает лишь тогда, когда привычные действия перестают приводить к успеху, когда постоянные неудачи лишают возможности добывать средства к жизни. Практическое мышление напоминает айсберг, неизмеримо большая часть которого, невыразимая в словах, однако определяющая важнейшие жизненные решения и поступки, от рефлексии сознания скрыта.

В любом обществе в повседневной жизни люди действуют в соответствии с исторически сложившимся содержанием культуры. Какими бы мотивами человек не руководствовался в своей деятельности, все они фиксируются в культуре. Культура многослойна, иерархична, внутренне противоречива. В реальном социуме, характеризующемся определенным уровнем сложности отношений, убеждения и формы поведения могут быть весьма различными. Ценности помогают обществу и человеку отделить хорошее и плохое, истину и заблуждение, красоту и безобразие, справедливое и несправедливое, допустимое и запрещенное. Эти специфические стандарты, правила связаны с судьбой сообщества, его победами и поражениями, спецификой окружающей природной среды, которые через систему воспитания и образования транслируются от поколения к поколению. Ценностью могут считаться такие значения, которые стали продуктом многократной передачи от группы к группе. Важно подчеркнуть, что усвоение убеждений и ценностей подвержено социальной дифференциации. Любая культурная эволюция общества является социально дифференцированным процессом своеобразного обучения. Социальные взаимоотношения воздействуют и на способности и на критерии выбора каждого человека. Так, например, поведенческие модели, определяющие уровень материальных запросов, различны в разных сообществах и зависят от множества условностей и обычаев.

Только в определенных точках социокультурной системы, т.е. в определенных группах толкователей и хранителей интерпретаций, сохраняются конкурирующие трактовки значений ценностей. Для прочих социальных образований эти значения сохраняют свою силу в качестве конкретных предписаний, различающихся в соответствующих ситуациях. Формально, или аналитически, культура представлена только в обладании ею специальной группой образованных носителей культуры, развивающих универсальные системы символических структур. Социальный авторитет подобных групп держится на вере членов других общностей, образуемых социальным разделением деятельности, что они способны дать осмысленный проект жизненного поведения.

Особенно важно то, как понимают общепринятые правила поведения люди, облеченные властью. Поступки представителей высшей элиты играют значительную роль в формировании норм поведения. Лаоцзы, автор трактата «Дао-Дэ цзин», (середина IV в. до н.э.),

понимал проблему следующим образом: «Как совместить добросердечие и принуждение? / Порядок в государстве нужно чтить, / Но обвинять смутьянов не спешите. / Быть может, в смуте виноват правитель сам. / Когда он следует морали — Дэ, он — повелитель, / А нарушает принципы морали, он — тиран» [5]. Этот древний текст можно прокомментировать следующим образом: хороши правители и руководители — хорош и народ. Народу не нужны отвлеченные рассуждения о побуждениях в области нравственной деятельности, а нужен живой пример исполнения нравственных принципов их руководителями. Эта древняя мудрость выражается и русской пословицей «рыба гниет с головы». Коррумпированное поведение «в верхах» порождает далеко идущие последствия. Деградикация элиты может стать одной из причин политической нестабильности и борьбы за социальную справедливость. Иначе говоря, только опираясь на решенные политические проблемы, можно делать экономические прогнозы. Экономическая сделка представляет собой решенную политическую проблему.

Успешное функционирование рыночной экономики зависит от институционального развития, поскольку связано с ролью поведенческих норм. Поведение человека зависит от того, как он понимает и оценивает поведение других людей. Аргумент «все так делают» является одной из самых популярных причин коррумпированного поведения. «Предельная мораль — это низшая ступень, граница этически приемлемого и практикуемого поведения. Когда эта предельная мораль падает в результате возрастающего распространения неэтичных моделей поведения, возникает давление на отдельного субъекта, вынуждающее его приспособиться к падающей предельной морали, чтобы избежать ухудшения своих конкурентных позиций» [6].

В случае падения предельной морали центральное значение приобретает поведение руководителей отрасли и предприятий, господствующих на рынке. Лидеры отрасли и руководители крупных предприятий задают тон нормативному климату и поведенческим моделям, в которых подражание и понятие справедливости играют немаловажную роль. «Лидеры отрасли, руководители рынка должны стать гарантами стабильности хозяйственной этики в отрасли или повышения предельной морали. Хозяйственно-этическая роль их примера состоит в уверенности в высокой предельной морали, в том, что этическое поведение в данной отрасли оправдано и не угрожает существованию производителей. Функция укрепления уверенности в высокой предельной морали не должна возлагаться на самые малые и слабые предприятия отрасли, — такое бремя было бы для них слишком тяжело. Так, нельзя требовать от нищего, чтобы он был образцом уважения права собственности» [7].

Особенностью современной культурной ситуации является отсутствие общезначимой «идеи», которая была бы гарантией индивидуальной истины. Отсутствие универсального смысла происходящего утверждает необходимость субъективного полагания его. Раскол между обществом как культурным текстом и обществом как текстом отношений проходит через каждую личность. Выступающие на первый план mass media и информация, производящие смысл, заняты производством и спроса, и потребителей. Если раньше технологии были направлены на материю, то теперь они перенацеливаются на общественное сознание и общественную культуру. Скорость информационной революции устранила давние барьеры, которые долгое время отделяли одну культуру от другой. Посредством иностранных инвестиций, торговли и прогресса в информационных технологиях «культурная индустрия» одной страны завоевывает другие рынки. В итоге экономическое потребление, не ограниченное никакими пределами, утрачивает свою рациональность и получает чуждую себе направленность, превращаясь в магический ритуал и театрализованное представление. Потребление без всякой пользы и смысла всего что угодно является отступлением от важнейшего принципа экономического разума.

Характеристикой нашей современности, по Ж.Бодрийяру, выступает масса, как явление в высшей степени импловзивное, не осваиваемое никакой традиционной практикой и никакой традиционной теорией. «Масса впитывает всю социальную энергию, и та перестает быть социальной энергией. Масса вбирает в себя все знаки и смысл, и те уже не являются

знаками и смыслом. Она поглощает все обращенные к ней призывы, и от них ничего не остается. На все поставленные перед ней вопросы она отвечает совершенно одинаково. Она никогда ни в чем не участвует. Ее подвергают разного рода воздействиям и тестовым испытаниям, но она представляет собой именно массу, и потому с полным безразличием пропускает сквозь себя и воздействия (причем все воздействия), и информацию (причем всю информацию), и нормативные требования (причем все нормативные требования)» [8].

Ж.Бодрийяр предполагает, что повседневное, будничное существование людей вовсе не является малозначащей изнанкой истории, а уход масс в область частной жизни — это, скорее всего, вызов политическому, форма активного сопротивления политической манипуляции. «Существо нашей современности не заключено ни в борьбе классов, ни в неупорядоченном броуновском взаимодействии лишенных желания меньшинств — оно состоит именно в этом глухом, но неизбежном противостоянии молчаливого большинства навязываемой ему социальности, именно в этой гиперсимуляции, усугубляющей симуляцию социального и уничтожающей его по его же собственным законам... Молчаливое большинство — это не сущность и не социологическая реальность, это тень, отбрасываемая властью, развернувшаяся перед ней бездна, поглощающая ее форма» [9].

С точки зрения Хабермаса проект Просвещения был проектом монологического разума. Разум-эгоист, самоосвобождаясь, приписывает себе атрибуты, заимствованные из разрушенной метафизическо-религиозной системы понятий. Руководствуясь исключительно субъективными восприятиями, разум оказывается способным порождать только силу как альтернативу свободному и осознанному выбору. Цивилизация и культура, построенные по принципам рациональности, демонстрируют разрыв между идеалами и действительностью. Развитие науки, общественных демократических институтов, норм социализации, которое должно было освободить человека от зависимости от природы, привело только к его тотальному порабощению. Интеграция социума, построенная на достижениях науки, технологий, на образовательной и культурной экспансии разума во все сферы жизнедеятельности человека, приводит к кризису перепроизводства и кризису личности. Рациональное конструирование по готовому образцу обнаруживает лишь желание инструментально завладеть миром. Современному массовому производству сегодня соответствует псевдоиндивидуализм. Все становится воспроизводимым, заменимым процессом.

Тем не менее, повседневная практика оставляет место для процессов взаимопонимания и образования идентичности. «Содержащийся в словах разумный потенциал сплетен воедино с ресурсами всякий раз особенного жизненного мира. Поскольку жизненный мир берет на себя функцию накопителя ресурсов, он приобретает признаки интуитивного, по настоящему точного, холистического знания, которое нельзя усложнить по собственному усмотрению, — в этом отношении он не является «знанием» в буквальном смысле слова. Скорее перед нами совокупность невысказанных предположений, солидаристских намерений и навыков, способствующих приобщению к социальной жизни, которая образует противовес рискованным процессам взаимопонимания, происходящим в рамках вербального выражения притязаний тех или иных намерений на значимость-значение» [10]. Приобщение к культурным ценностям происходит в процессе коммуникативной практики. Говорящий и слушающий договариваются по какому-то вопросу и общаются в пределах их совместной жизненной сферы. Тема общения определяет ресурс культурных ценностей, из которого участники коммуникативного процесса заимствуют согласованные образцы объяснений. В коммуникативном действии подвергается проверке на основательность подспудное знание жизненного мира, и испытываются на точность языковые системы. Участники коммуникативных действий в процессе речевого обмена достигают определенной степени согласия и взаимного признания. Таким образом, коммуникативный разум выражается в связующей силе межсубъектного взаимопонимания. Объективированная позиция утрачивает свое привилегированное положение, а наблюдатель вырабатывает совершенно иное отношение к самому себе. Акт взаимопонимания начинает выполнять функции механизма координации действий. Так жизненный мир воспроизводит сам себя и продолжает культурные традиции.

Организация конструктивного социального взаимодействия различных претендующих на рациональность позиций является возможным выходом из «войны всех против всех» и преодоления эгоцентризма. Направленность на рефлексивность по отношению к идеальному плану своих действий, на их соразмерность поставленным целям и задачам должна стать обязательным условием организации коммуникативных действий. Классическое вещно-объектное познание приводит к возможности догматизации и потери рациональным познанием самокритики. Отказ от монологизма, переход на позиции диалогического сознания относится и к рациональности экономического познания, и к рациональности практических действий. Суть дела в том, что при рассмотрении проблем, связанных с экономической деятельностью, нельзя ограничиться только констатирующей позицией. В конечном счете приходится принимать определенные решения, на которые не могут не влиять ценностные представления. Парадигма познания экономической науки, ориентированной на предметность мира, должна смениться парадигмой экономической культуры, ориентирующей на взаимопонимание. Тогда рациональность научно ориентированного мышления будет заключаться не в избегании ценностных установок, что все равно невозможно, а в открытости этих установок для критической рефлексии, в способности непредвзятого к ним подхода, их свободного обсуждения и сознательного продумывания их возможных последствий.

Понимание того, что экономическая наука — это не только правила расчета цен, производственных показателей и денежных потоков, а наука о реальном поведении человека в обществе с учетом его психологии, исторических и культурных традиций, многообразных интересов, приобретает все больше сторонников. Готовность к совершенствованию исходных посылок любых представлений, утверждений, концепций, теорий, лежащая в основе современного когнитивизма, противостоит стремлению застраховаться от риска и ответственности с помощью авторитета заданных норм и критериев. Сегодня эта идея выступает условием адекватного отношения свободного и ответственного субъекта к объемлющему его миру. Рациональность, которая сводится к технологии контролирования природы и общества, оказалась бессильной перед глобальным разрушением природных оснований бытия человека и саморазрушением внутреннего мира человека. Подкрепляющая сила точных наук показала к настоящему времени, что человек может сконструировать и организовывать лишь крохотную часть мира из-за феномена самоорганизации. Мир изначально открыт, нестабилен и неустойчив. Природа и общество вместе образуют самоорганизующуюся систему, которая не подчиняется тотальному контролю со стороны человека. Человек должен научиться жить в этом нестабильном, неопределенном, сложном и открытом мире, в котором сеть отношений ныне имеет тенденцию к самым быстрым и неожиданным изменениям.

1. Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе // THESIS, зима 1993. Т.1. Вып.1. С.185.
2. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С.10.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С.71.
4. Хайдеггер М. Положение об основании. СПб.: СПбГУ, Алетейя, 2000. С.212-213.
5. Лаоцзы. Дао-Дэ цзин, или Трактат о Пути и Морали. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. С.191.
6. Козловски П. Принципы этической экономии. СПб.: Экономическая школа, 1999. С.233.
7. Там же. С.235.
8. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург.: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С.34-35.
9. Там же. С.56-57.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. С.336.